

ГРАНИЦА ЕВРОПЫ И АЗИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ¹

МАРИНА АБАШЕВА

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Ключевые слова: *граница Европы и Азии, семиотика границы, современная литература, национальная и региональная идентичность.*

Key words: *boundary between Europe and Asia, semiotics of boundary, contemporary literature, national and regional identity.*

ПРОБЛЕМАТИКА ГРАНИЦЫ

Любая граница повышено семиотична. Поэтому географическая граница легко становится культурным актом – обрастает символическими смыслами, новыми коннотациями. В случае границы между Европой и Азией эти свойства усиливаются благодаря множеству исторических, географических, социо-культурных факторов.

Прежде всего, эта континентальная граница – особого свойства, она – единственная не водная граница между континентами. Если такие части света, как Африка, Америка и Австралия, являются отдельными континентами, границы которых не вызывают сомнения (это их побережья), то Европа и Азия составляют единый континент – Евразию, и граница проходит внутри него. Может быть, поэтому история и культура все время выдвигают новые аргументы «пограничности».

Цель настоящего исследования – изучение семиотики границы между Европой и Азией, ее осмысление в исторической динамике. Гипотеза состоит в том, что идея границы остается неизменно важной для культуры; в случае исчерпанности семантики пограничности, обусловленной географическими, политическими или иными факторами, культура находит новые аргументы в сфере художественного творчества. Ю. М. Лотман справедливо писал о природе границы: «разные языки, заполняющие семиосферу этого стоглазого Аргуса, – выделяют во внележащей реальности различное. Появляющаяся таким образом стереоскопическая картина присваивает себе право говорить от имени культуры в целом» (Лотман, 2000, 257). Проследить семиотические трансформации границы между Европой и Азией, выявить новые языки, символы, знаки, принимающие на себя семантику пограничности, и стало задачей работы. Быть может, дополнительный смысл такому опыту добавляет сама позиция наблюдателя-инсайдера, автора настоящей

¹ Статья выполнена в рамках проекта № 005-П Программы стратегического развития Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета Министерства науки и образования РФ.

статьи, находящегося географически как раз недалеко от этой границы, рядом с Уральскими горами.

Методологическими основаниями для нас стали не только известные работы по семиотике пространства, лежащие в поле собственно гуманитарных наук (Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина, В. А. Подороги), но и подходы современной гуманитарной географии, осмысляющей пространство как прежде всего ментальную конструкцию, конструируемую человеческим воображением в зависимости от экономических, политических, эстетических задач (Э. Ключ, Д. Н. Замятина, В. А. Каганского и др.). Ментальное картографирование – продукт сложного семиотического конструирования пространства. И в этом смысле регионы, подобно нациям, представляют собой «воображаемые сообщества» (термин Б. Андерсона).

ГРАНИЦА КАК ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ

Именно меняющееся ментальное картографирование пространства становится причиной того, что граница между континентами Европа и Азия не является неподвижной. Никогда не было единства в вопросе о том, где именно Европа граничит с Азией. Сначала эта неясность объяснялась недостаточностью географических знаний. Древние греки относили к Европе Балканский полуостров и все, что было к северу и к западу от него. Азия же начиналась за проливами Босфор и Дарданеллы. С античных времен считалось, что граница с Азией проходит по реке Танаис – по Дону (так считали Геродот, Полибий, Страбон, Птолемей и др.). Эти представления сохранились до XVII века. На Руси тоже обычным был взгляд на Дон как на природную границу между Европой и Азией (в русской «Космографии» 1682-1688 гг., в оригинальных толковых словарях, азбучниках). За Доном было «дикое поле», откуда вторгались кочевники – печенеги, половцы, татары, калмыки. Сейчас их потомки населяют берега Волги и Дона. Арабы, торговавшие с Булгарией (Казанью), проводили границу с Азией по реке Итиль, то есть по Волге.

Для русских же, несмотря на то, что границы Московского царства к середине XVII века дошли до Тихого океана, коренные русские земли заканчивались на Уральском Хребте, Каменном поясе. В XV-XVI вв. Уральский хребет был границей между Казанским и Сибирским ханствами и воспринимался как граница Сибири. Однако современники Петра и Татищева (Ж. Делиль, И. И. Тауберт и др.) предлагали проводить восточную границу Европы по Оби: очевидно, это объяснялось националистическим ощущением своего и чужого миров: далее к востоку русских почти не было. И. Г. Гмелин в 1749 году предлагал проводить границу по Енисею. С. Ю. Витте приводил императору очень выразительные аргументы в пользу строительства Транссибирской магистрали: «Для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу, от народов Азии, давно уже перенесен за Байкал – в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги» (Цит. по: Ремнев, 2002).

Таким образом, главным аргументом границы Европы и Азии стало понимание своего/чужого, обусловленное государственными интересами, самосознанием нации. Граница – это не только линия на географической карте, а некий край *пространства власти*, т. е. территории, стратифицированной при помощи властных технологий и освоенной в

сознании населения. (Симптоматично, что столбами-знаками на границе Европы и Азии отмечали переезд царствующих особ через Уральский хребет).

В XVIII споры о границе приобрели статус научных. Впервые идея о проведении границы между Европой и Азией по Уральским горам, точнее, по водоразделу этих гор, была обоснована шведским ученым Филиппом Иоганном Страленбергом в 1730 году. (Считается, что эту идею подсказал Страленбергу в 1736 году В. Н. Татищев, есть также мнение о том, что эту идею высказал Гумбольдт). Граница между Европой и Азией – линия водораздела – хорошо видна практически на любой карте: все реки слева от этой линии текут на запад, в бассейн Волги, а все реки справа от нее текут на восток, в бассейн Оби.

Постепенно установленная граница приобрела все же легитимность и символическую значимость. Джордж Кеннан так описывал драматическую сцену прощания невольных переселенцев с родиной у пограничного столба «Европа-Азия»: «Некоторые дают волю безудержному горю, другие утешают плачущих, иные становятся на колени, прижимаясь лицом к родной земле, и берут горсть с собой в изгнание, а есть и такие, что припадают к холодному кирпичному столбу со стороны Европы, будто целуя на прощание все то, что она символизирует» (Кеннан, 1999, 110). Таким образом, граница в XIX веке действительно осознается символическим краем Европы.

Поскольку, начиная с XVIII века, Россия освоила Сибирь далеко за пределами уральских гор, острота восприятия границы (как пространства власти и пространства разделения своего и чужого) постепенно стирается, Сибирь становится своей. Как Европа прирастала «аннексированием пространств», так Россия – Сибирью. Однако размышления о границах Европы и Азии, их значении для России не теряют актуальности и сегодня (см., например Бассин, 2005).

КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ

Перестав по мере освоения Россией восточных пространств означивать пространством власти, граница Европы и Азии не перестает быть символическим маркером. Этого как будто не должно было случиться прежде всего в связи с «уменьшением» территории России по сравнению с территорией СССР. В России, кроме либеральных идей сближения с Западом и Востоком, актуализировались и евразийские имперские настроения (последователей не столько Н. С. Трубецкого и Л. Н. Гумилева, сколько А. Г. Дугина). Одной из главных их идей неоевразийцев стала имперская ностальгия, евразийство как антизападничество. Субконтинент Евразия словно стирает свою внутреннюю границу. Евразия в целом – это равнина, империя, Хартланд, середина мировой суши, обреченная вести борьбу с мировым океаном его державами.

Однако в различных культурных практиках граница между Европой и Азией остается маркированной. Современные художники охотно акцентируют, *делают видимой* потерявшую как будто очевидность границу. Это особенно заметно в текстах авторов, живущих на территории границы Европы и Азии. Пермский поэт Вячеслав Раков словно ощущает границу физически: «холодно в континентальном зазоре» (Раков, 2003); «Нас слотнул, как слюну, европейский восток./ И вольно же нам спать в этой дымной утробе» (Раков, 1996). Ушедший безвременно молодой поэт Борис Рыжий из

Екатеринбурга ощущает себя на рубеже: «Приобретут всеевропейский лоск/ Слова трансасиатского поэта» (Рыжий, 2011). Екатеринбургец Юрий Казарин формулирует это состояние почти афористично: «мой азиатский дом с воротами в Европу/ и огород с простором на Сибирь» (Казарин, 2001). Не всегда это формулируется так прямо, но семантика рубежности, пограничности Урала становится все более ощутимой в текстах уральских писателей.

С точки зрения культурной прагматики надо заметить, что семиотичность границы (любой) – это сегодня информационно-коммерческий повод. Десятки туристических фирм эксплуатируют идею границы: разработана масса разнообразных маршрутов, ориентированных на пограничные обелиски, – даже на снегоходах; мэр Кунгура летал через границу на тепловых аэростатах; установление в 2004 году одного из новых знаков границы между Европой и Азией в «удобном» месте – на востоке города Екатеринбурга – думается, во многом диктуется туристским спросом. Акцентуация границы наглядно проявилась в акции молодых екатеринбургских художников на Плотинке в 2003 году: в Исеть выливали воду Эгейского моря, т.е. «добавляли» границе пограничности, напоминая о границах Европы.

Идею коммерческой привлекательности границы не преминули обыграть драматурги братья Олег и Владимир Пресняковы в пьесе «Европа-Азия» (2001): действие и происходит прямо у знака «Европа-Азия», где мошенники кормятся подачками свадебных кортежей, традиционно приезжающих отметить к столбу-знаку, месту памяти и силы, как недавно приезжали к памятнику Ленина.

Представляется, художественный текст по природе своей настойчиво тяготеет к границам, потому так восприимчив к самой этой теме. «Каждый культурный акт, писал М. М. Бахтин, – существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» (Бахтин, 2003, 282).

ГРАНИЦА В СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ

Русские писатели не обходили вниманием тему рубежа между Европой и Азией. В XIX веке это был Д. С. Мамина-Сибиряк («На рубеже Азии», «В горах»). В XX веке у Б. Л. Пастернака граница в «Детстве Люверс» интерпретируется антропологически и ценностно-духовно – через взросление главной героини, переход Жени из детства в юность.

Современная литература эту легко преодолеваемую границу предпочитает сохранять. Уральский поэт Игорь Сахновский описывает Екатеринбург как место встречи частей света: «Там Европа и Азия стынут в обнимке глухой,/ монументы в тугих пиджаках там и тут – на посту./ Правда, в Азии можно купить пирожки с требухой,/ и туда европейцы в трамвае летят по мосту». (Городская ода) (Сахновский, 2011). Александр Петрушкин ощущает уральскую реку как границу между миром живых и мертвых: «Пересечём же Стикс или худой Миасс/ промежду арматур, извёстки, пятен меди,/ покуда жёлтый дождь, который кровь заменит,/ впадает кое-как, но непременно – в нас» (Петрушкин, 2001).

Сегодня важным оказывается осмысление границы не по географической горизонтали, но по культурной вертикали. Граница перестала быть для России *внешней* давно, но освоенное, оставшееся «позади» пространство словно бы осталось неосвоенным. Идея Эткинда о внутренней колонизации как пути развития России, кажется, находит аналогии в художественном творчестве, развивающемся на Урале (Эткинда, 2013). Современные писатели открыли культуры другого/других в рубежном пространстве. Открыли, например, языческий мир местных народов, как Владимир Лаврентьев в книге «Постоянство места»: «Здесь сплошное язычество в градах и весях, поедание солнца, сжигание чучел» (Лаврентьев, 2004, 17).

Прозаик Алексей Иванов в романе «Сердце Пармы» (2003) сделал изображение мультикультурного пространства программной задачей: имажинативно воспроизвел мир средневекового пермского язычества (автор – искусствовед по образованию), мифологию Золотых баб (идолов местных народов), шаманские камлания, коми-пермяцкую, татарскую, мансийскую топонимику и т.д. Иванову пограничный ландшафт достается, условно говоря, финно-угорским, уже названным и узнаваемым. Его герои-новгородцы так воспринимают Урал в XV веке: «Здесь, мужики, самый край божьего мира, а дальше – одни демоны творенья, которым ни наша, ни божья воля не указ. Ангелы-то над нами небо еще держат, а демоны всю землю пещерами изрыли, лезут наружу, прорастают болванами и люди здешние – югорские, пельымские, пермские – тоже по пояс из земли торчат. Души у них демонские, каменные» (Иванов, 2003, 36).

Иванов все время подчеркивает, что описывает *чужое* пространство: демоническое, языческое. Над героем его повести «Географ глобус пропил» «громоздятся созвездия», которые он называет вогульскими именами (вогулы – народ манси): «Вот они – Чудские копи, Югорский Истукан, Посох Стефана, Вогульское копье, Золотая Баба, Ермаковы Струги, Чердынский Кремль...» (Иванов, 2003, 18). И солнце в романе «Сердце Пармы» – тоже вогульское: «небо опасно нависло над горой, как перевернутый омут, на дне которого блескло отсвечивала серебряная вогульская тарелка солнца» (Иванов, 2006, 197). Эта новая космогония существенно изменяет образ мира по сравнению с тем, каким он видится современным россиянином.

Урал как место медиации – самая важная составляющая новой уральской литературной мифологии. В «Сердце Пармы» А. Иванова князь Михаил и является медиатором на границе культур. В отличие от массового национально-патриотического романа, в этом «областническом» (термин М. М. Бахтина) романе важен не столько пафос строительства нового народного целого, единой России, сколько драматизм отношений местных народов – других, чужих. Сюжет романа в определенной степени развивается как *переопределение другого*. Кроткие коми – уже свои для русских в XV веке (по коми-пермяцки, впрочем, русский с XIV века называется «роч» – чужой, родственное слово с такой семантикой существует и в удмуртском языке). С татарами князь Михаил тоже стоворился мирно (тогда как московский царь казнит татарских князей, для него они далеко и чужие). Манси-вогулы – воинственные и чужие для Михаила. Но при этом желанные и притягательные; нянька-вогулка своими сказками воспитала душу Михаила: «Ему нравились не ратные подвиги, а нерусская жуть, с которой богатыри боролись. И когда отец вдруг поменял княжество, перевез свой двор и стол куда-то на край земли, за синие леса, куда за Петушком вечно бежал Котик-братик, когда Миша впервые увидел на обрыве над

темной рекой частокол пермского городища, эта самая нерусская жуть словно холодом из пещеры дохнула ему в лицо (Иванов, 2003, 63). Жена Михаила – вогулка-ламия, имеет химерическую природу, она – граница между православным и языческим (сына хочет крестить как православного), но и между человеческим и нечеловеческим (оборотень, животное начало, рысь). Антагонист героя Асыка-вогул воюет вместе с Михаилом за его Чердынь против москвитов, став на время этой войны своим: вогулы в борьбе за землю ближе Михаилу, чем Москва.

Впрочем, отчасти эта медиация между народами – литературная традиция: князь Игорь тоже дружил с половцами, и оправдывался в этом перед другими русскими князьями. Таким способом оправдания стал, в частности, и намеренно-дерзкий (организующий сюжет «Слова о полку Игореве») прорыв на их территорию. В финале романа Иванова вождь вогулов Асыка должен убить русского князя Михаила. Симптоматично, что этого ждут даже сыновья вечных врагов – они на пороге нового рационального мира власти и политики. Новые эти властные отношения будут потом, за пределами повествования, а в символическом пространстве романа важна победа мира языческого, коренного, мистического.

В случае Иванова мы имеем дело с сознательным конструированием региональной идентичности как основанной на культуре автохтонных народов. В частности, он делает это при помощи эстетического кода. Писатель признался в интервью, что роман «Сердце Пармы» «построен по принципу пермского звериного стиля, <...> его геральдической организации пространства, сюжета, этики и эстетики. Роман начинается и заканчивается Золотой Бабой, каждый переход с уровня на уровень обозначен штурмом крепости, персонажи составлены в пирамиду, этика структурирована ярусами». Он сознательно усваивает эту эстетику: «я смотрю на изделие пермского звериного стиля, и что я вижу? Что-то древнее, непонятное, косматое, дикое, обломанное по краям, с окалиной, зеленое от окиси, выкопанное из земли. И я старался писать так, чтобы мир у меня был такой же дикий, косматый, обломанный по краям, вышедший из каких-то непостижимых недр» (Иванов, 2005, 16).

Подобные интуиции превратились в развернутую историософию и геопсихологию – в книге Иванова «Message: Чусовая» (2007), в цикле очерков «Уральская матрица» (2008), в других публицистических статьях.

Название книги Иванова «Message: Чусовая» очень симптоматично. По собственному, видимо, определению (текст размещен на обложке), автор стремится «прочсть реку как текст и представить ее как послание». Message Чусовой по Иванову имеет непосредственное отношение к семиотике границы: Чусовая «зеркальна Неве: ворота не в Европу, но в Сибирь. Чусовая 500 лет была проливом между Сибирью и Россией. И этот объединительный, человечный архетип дороги структурировал жизнь на реке. Здесь через Уральский хребет на поклонение своим святым горам шли язычники. Пробирались в Югру... булгарские купцы. Здесь сквозь все преграды прорвался Ермак, а по его следу пролегла Государева дорога, по которой в дикие и бескрайние леса Сибири уходили русские землепроходцы. Чусовая стала «рассединой земной» для русских раскольников. Здесь плыли железные караваны горнозаводских судов, плоты спецпереселенцев эпохи ГУЛАГа и легкие лодки любопытных туристов...» (Иванов, 2007). И именно так понимается сегодня писателем ландшафт: как осмысленное послание. Акцентирование границ

Европа/Азия, Урал/Сибирь в современной литературе – свидетельство текстуализации пространства, где граница становится важным структурирующим семантическим элементом текста.

Однако наряду со значениями особого пространства уральская литература (и российская в целом) охотно распространяет свои смыслы на большую территорию. В ипостаси «плавильного котла культур» Урал охотно осмысливается многими авторами как часть России, изоморфная целому, *версия национальной идентичности*. Вот как это формулирует современный прозаик Ольга Славникова в интервью о своем уральском романе «2017»: «Уральская цивилизация порождена русской пассионарностью, нашим движением на восток и одновременно замешана на мистических культурах изначальных уральских народов. Я думаю, версия национальной идентичности на Урале существует. Она основана на стремлении человека вступить в отношения с собственной судьбой. На «самостоянии», если угодно» (Славникова, 2007). Алексей Иванов, утвердив образ Урала как уникальной земли, также стремится к концептуализации Уральских гор как важной границы внутри России. Его проект «Хребет России» (2009), представленный в телесериале (вместе с популярным телеведущим Леонидом Парфеновым) и в богато иллюстрированной книге-альбоме, позиционирует Урал как основу могущества Российской империи.

Таким образом, при всем разнообразии меняющихся смыслов, вкладываемых в понятие границы между Европой и Азией, она, вопреки геополитическим, экономическим, историческим переменам удерживает свое символическое значение рубежности – благодаря культурным и, в частности, художественным смыслам. Как писал Ф. Бродель, история тяготеет к закреплению границ, которые словно превращаются в природные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению» (1994). В этих «складках местности» и таятся новые возможности для приращения новых смыслов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Бассин М. (2005). Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства. <http://polit.ru/article/2005/04/12/bassin/>.
- Бахтин М. М. (2003). К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собрание сочинений, т. 1. Москва: Русские словари, Языки славянской культуры.
- Бродель Ф. (1994). Что такое Франция? (в 2 кн.). М.: Изд-во имени Сабашниковых. Кн. 1. Пространство и история.
- Иванов А. (2006). Географ глобус пропил. Москва: Азбука-классика.
- Иванов А. (2005). «Ландшафт формирует мышление». Интервью с Алексеем Ивановым. Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Пермский государственный педагогический университет. Пермь, 2005, с. 15-16.
- Иванов А. (2007). Message: Чусовая. С.-Петербург: Азбука-классика.
- Иванов А. (2003). Сердце Пармы. Роман-легенда. Москва: Пальмира.
- Казарин Ю. (2001). Колодезный лед. Стихи. Знамя, № 2. <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/2/kazar.html>.

- Кеннан Д. (1999). Сибирь и ссылка, т. 1. Спб: БЛИЦ.
- Лаврентьев В. (2004). Постоянство места. Пермь: Проспект.
- Лотман Ю. М. (2000). Внутри мыслящих миров / Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство СПб», с. 150-390.
- Петрушкин А. (2001) Стихи. Антология современной уральской поэзии. http://marginally.ru/html/Antologia_2/035_petrushka.html.
- Раков В. (1996). Антология современной уральской поэзии. Фрагменты. Урал, № 11-12. <http://magazines.russ.ru/ural/1996/11-12/frag.html>.
- Раков В. (2003). Стихи. Уральская новь, № 16. <http://magazines.russ.ru/urnov/2003/16/rakov.html>.
- Ремнев А. В. (2002). Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX–начало XX вв). Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. <http://zaimka.ru/remnev-border/>.
- Рыжий Б. (2011). Стихи. Урал, № 5. <http://magazines.russ.ru/ural/2011/5/ry11.html>.
- Сахновский И. (2011). Антология современной уральской поэзии. http://www.marginally.ru/html/Antolog_3/avtory/064_sahnovsky.html.
- Славникова О. (2007). «Так много болтаем и болтаемся, словно бессмертны...» (интервью). Новая газета. 19 февраля.
- Эткинд А. (2013). Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. Москва: Новое литературное обозрение.

Marina Abasheva

THE BOUNDARY BETWEEN EUROPE AND ASIA: THE TRANSFORMATION OF MEANINGS

Summary

The article analyses the semiotics of the boundary between Europe and Asia. This boundary is special because it is imposed not so much by geography (it is the only borderline between continents that is not marked by any water barrier) as by culture. In the course of historical exploration of the territory the boundary has changed both its location and meaning. The article traces the mental – political, historical, and cultural – grounds for semantization of the boundary Europe/Asia. The focus is on the literary representation of the boundary in contemporary texts created mainly on the territory that lies in its close proximity – the Urals. In literature new meanings are associated with the general semantics of the terminal, the idea of frontier, the “melting pot” of the nation, and the actualization of the memory of local pagan tribes. All this demonstrates new possibilities both in aesthetic and ideological approaches: for writers it is employment of the poetics of the myth; and for a researcher it confirms the acuteness of the ideas of “inner colonization” and formation of a new regional identity.